

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 8-го Сентября 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11615.

МИНІАТЮРЫ.

Нелли.

Въ пять часовъ дня Рыбаковъ нехотя и медленно входилъ въ надущенную маленькую комнату Истоминой. Въ ней было душно и жарко, какъ въ теплицѣ. Нелли—ей лѣтъ тридцать,—сидѣла съ ногами на шелковомъ диванѣ, въ голубой блузѣ и курила тонкую папироску. И оттого, что Рыбаковъ хорошо зналъ заранѣе, какъ она будетъ сидѣть, какъ будетъ одѣта, какой улыбкой встрѣтитъ его,—сразу сдѣлалось противно, и холодно онъ чуть прикоснулся къ протянутой ему рукѣ.

— Сегодня даже не цѣлуете?—лѣниво разсмѣялась она, стягивая пепель.

— Не дурачтесь.

— Что?

Ея глаза сверкнули, лицо сдѣлалось злымъ. Она привскочила на свое мѣсто диванѣ, и вся ея фигура выражала и удивленіе и возмущеніе.

Рыбаковъ, сохраняя спокойствіе, усѣлся въ кресло и закурилъ.

Нѣкоторое время оба курили молча.

— Почему вы не являлись? спросила она съ полуупрѣрительной улыбкой.

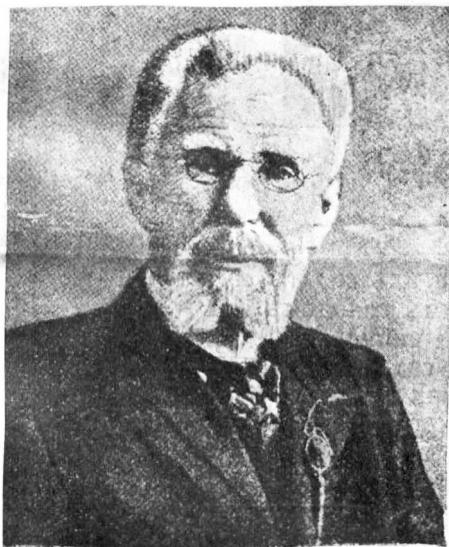
— Не хотѣлъ. Очень ясно.

— Не хотѣли, но все-таки пришли.

Это звучало издѣвательствомъ.

— Да, пришелъ, потому что все, даже самая плохія исторіи имѣютъ или должны имѣть свой конецъ.

— Конецъ!—протянула она опять съ гримасой презрѣнія. Пожалуйста. Я никогда не удерживала васъ.

Д. Н. Кайгородовъ,

заслуженный профессоръ и естествоиспытатель, извѣстный своими бюллетеями о явленіяхъ русской природы. 26 августа Д. Н. отпраздновалъ 50-лѣтие своей служебной и ученой дѣятельности.

Памятникъ Франко-руссск. Союза.

Памятникъ Сади-Карно, бывш. президенту фр. республики, инициатору фр.-руссск. союза. Будетъ онъ воздвигнутъ въ Парижѣ специальнymъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Эмиля Лубэ. Изображенъ онъ Миръ, соединяющій Россію и Францію; сбоку Россіи изображена Честность, сбоку Франціи—Справедливость. Памятникъ этотъ—произведеніе Тивэ-Рапидъ и знаменитаго скульптора Жюля Жуанъ.

— Тѣмъ лучше. А если вы теперь перестанете и писать мнѣ, я буду очень вамъ благодаренъ.

Онъ рѣзко поднялся, но Истомина удержала его за рукавъ. И съ сноса сѣлъ. Въ глазахъ женщины мелькнуло испуганное выраженіе, стерлась прѣзрительная улыбка. Ей все-таки не хотѣлось терять этого человека. Было сбидно и чуть-чуть больно. Правда, она свободна, красива, обезпечена—всѣ греимущества на ея сторонѣ,—но этотъ уходящій теперь отъ нея мужчина былъ уменъ, всегда такъ вѣжливъ, и, главное, такъ безконечно покоренъ, такъ неженъ.

Нелли опустила голову и спросила тихо и печально:

— Вы больше не любите меня?

Она казалась жалкой.

Рыбаковъ отвѣчалъ рѣзко и холодно, точно мстилъ ей:

— Я никогда не любилъ васъ. Вы зло чаровали меня безъ любви, безъ дружбы. Все, только во имя страсти! Вы пьянили мою чувственность, будили во мнѣ звѣря, и не было дня, не было ни одной нашей встрѣчи, когда бы вы не искали моихъ псцѣ-луевъ, когда бы вы заглянули въ мое

сердце. Вы никогда не назвали меня по имени. Всѣ ласковыя слова ко мнѣ срывались съ вашихъ губъ только тогда, когда вы въ конвульсіяхъ извивались въ моихъ объятьяхъ. Теперь я понялъ ужасъ этого угла и разрываю послѣднюю нить.

Она нервно расхохоталась. Сказала зло:

— Довольно! Однажды я уже слышала отъ васъ этотъ самый раскатъ благородного негодованія. А черезъ нѣсколько дней вы валялись у моихъ ногъ, цѣловали руки и мѣли о прощеніи. Ха-ха-ха!

— Если это воспоминаніе васъ веселитъ или утѣшаетъ, вспоминайте, пожалуйста...

Онъ всталъ, холодно поклонился и направился къ двери.

Истомина хотѣла крикнуть ему вслѣдъ всѣ обидныя слова, какія знала, она даже подалась впередъ, но только до крови закусила губу и упала на спинку дивана.

Затѣмъ она вскочила блѣдная, съ растрепавшимися прядями волосъ и металась по комнатѣ.

— Что?! Почемъ?

Рѣзко срывалось съ ея искривленныхъ губъ.

Она походила на великолѣпную разгнѣванную самку, которая потеряла своего самца и не можетъ понять причины, такъ какъ ея тѣло попрежнему прекрасно и пьяно отъ чувственныхъ желаній.

Городъ.

Вечеромъ, когда зажигаются фонари,—вдоль большой улицы города вытягиваются двумя рядами громадныя витрины магазиновъ, залитыя цвѣтнымъ, манящимъ светомъ электрическихъ лампочекъ.

А. С. Салазкинъ,

предсѣдатель нижегородского ярмарочного комитета и членъ Гос. Думы.

(По поводу его рѣчи о нуждахъ всероссийского купечества).

ТЕАТРЪ НОВОЙ ОПЕРЫ.

О. И. Каміонскій.

К. И. Брунъ.

Половъ.

И. П. Олчановъ.

Е. Т. Ковелькова.

Н. И. Манакинъ.

С. Мельниковъ.

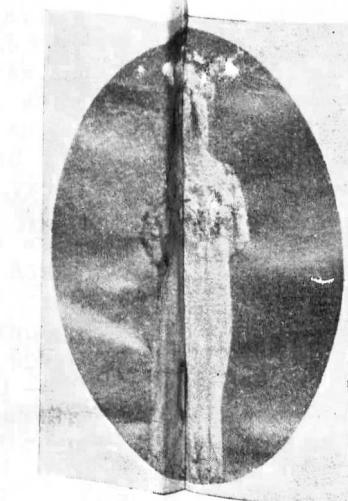
В. Л. Шеллеръ.

Л. А. Княжичъ.

М. В. Темникова.

М. Анорѣва-Риоли.

С. А. Сергеевъ.

Г. Стоянова.

Е. Я. Цвѣткова.

Б. Залипский.

А. И. Розановъ.

Гашинская.

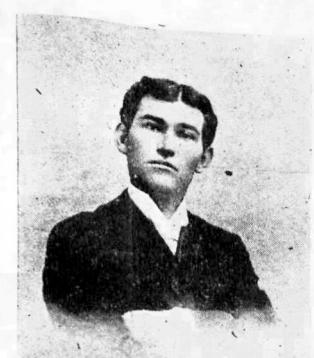
Л. Кантецъ.

Е. И. Груфи.

П. Г. Ярошевская.

П. А. Сергієнко.

Файнштейнъ.

Какъ будто какой то злой богачъ-себлазнитель нарочно поднялъ завѣсы, чтобы дразнить темную толпу своимъ несмѣтыми богатствами. Здѣсь —шелкъ и бриллианты, и платья, въ которыхъ могли бы одѣться тысячи; бездѣушки, мебель, лампы, которыми могли бы украситься тысячи комнатъ; хлѣбы, консервы, колбасы и вина, которыми могли бы насладиться тысячи.

Но черная толпа лѣется мимо, мимо, и только временами убѣляющими витринъ зама ираетъ кто-нибудь одинъ, ослѣпленный роскошью, и глаза его горятъ...

Глаза горятъ, можетъ быть, за-вистью, злобой, преступной мыслию, или жадныиъ желаніемъ, жадныиъ за-старѣлыиъ голодомъ.

Черная толпа лѣется мимо, чтобы на другой день встать вмѣстѣ солнцемъ и работать, работать, надрывая мускулы, для того, чтобы достать хлѣба, или, въ лучшемъ случаѣ, купить кусочекъ богатства витринъ. А онъ, манящія, служить другимъ, имѣющимъ золото и уже пресыщеннымъ.

Черная толпа здѣсь не причемъ.

И вечерами, когда зажигаются фонари, и вдоль большой улицы двумя рядами вытигаются залитыя разноцѣтнымъ блескомъ электричества, человѣческія сердца. Она привлекала къ себѣ всѣхъ этими зелеными глазами, чаровала ихъ сладкой тайной, оплетала души, словно золотой сѣткой.

Vanitas-Vanitatum.
У нея были таинственные, какъ без-дна, малахитовые глаза, которые свѣтились и проникали своимъ взглядомъ въ человѣческія сердца. Она привлекала къ себѣ всѣхъ этими зелеными глазами, чаровала ихъ сладкой тайной, оплетала души, словно золотой сѣткой.

Она чувствовала, что пустыми и незаполненными проходятъ дни его, безъ тепла и радости. Текутъ дни, а ночью въ бреду и страданіи, онъ ви-

дѣть во мракѣ зеленые глаза, какъ недоступные свѣточки. Грэзилось счастье, но мракъ надвигался и душилъ.

И вѣтъ, измученный, и вогъ согну-

тый отчаяніемъ, онъ пришелъ къ ней въ послѣдній разъ. Онъ пришелъ упасть къ ея ногамъ и рыдая молить о счастьѣ... Онъ молилъ объ одномъ радостномъ днѣ послѣ бѣздны горя... Только объ одномъ радостномъ днѣ.

Свѣтились прекрасные глаза, но молчаніе было ему отвѣтомъ.

И умираль онъ, въ судорогахъ, съ лицомъ желтымъ, какъ воскъ, съ поклоніемъ на посинѣлыхъ губахъ...

Тогда она сама пришла къ нему и встала у изголовья.

Напрягая послѣднія силы, онъ при-
поднялся на своемъ ложѣ, чтобы въ

послѣдній разъ

взглянуть на нее и

вымолить улыбку.

Взглянуль и въ

ужасѣ

упалъ на подушки.

Съ мохнатымъ звѣрьинъмъ тѣломъ скояла она, вся безобразная, отталки-
вающая и отвратительная, и, умирая, онъ прошелгаль: "Я поняль... Vanitas
vanitatum".

Фениксъ.

ПОЛЕТЬ ПЕГУ.

Огромное количество жертвъ авиаціи ставить на первую очередь изобрѣтеніе стабилизатора, т. е. приспособленія, способного удерживать въ равновѣсіи аэропланъ въ его борьбѣ съ воздушными теченіями. Но никому еще въ голову не приходило, что аэропланъ самъ по себѣ вполнѣ устойчивъ, и что достаточно пилоту не терять присутствіе духа и не выпускать изъ рукъ руля, чтобы даже на опрскинутомъ аэропланѣ благополучно спуститься на землю. Идея эта принадлежитъ знаменитому аэіатору и конструктору Блерю, а практически осуществилъ ее авторъ Пегу, рѣшившійся на практическій опытъ.

Находясь на высотѣ 1100 метровъ, онъ пустилъ свой аэропланъ вертикально внизъ, т. е. воспроизвелъ картина обычнаго крушенія, затѣмъ опрокинулъ колесами вверхъ, но, будучи привязанъ къ сидѣнію, ни на минуту не оставилъ руля. Въ этомъ необычномъ положеніи аэропланъ началъ плавнорущій спускъ. Затѣмъ Пегу еще несколько разъ опрокидывался, описывалъ восьмерки въ вертикальномъ ноправленіи и, наконецъ, не долетѣвъ 400 метровъ до земли, поворотомъ руля привелъ аэропланъ въ нормальное положеніе и плавно опустился на аэродромъ.

СМѢСЬ.

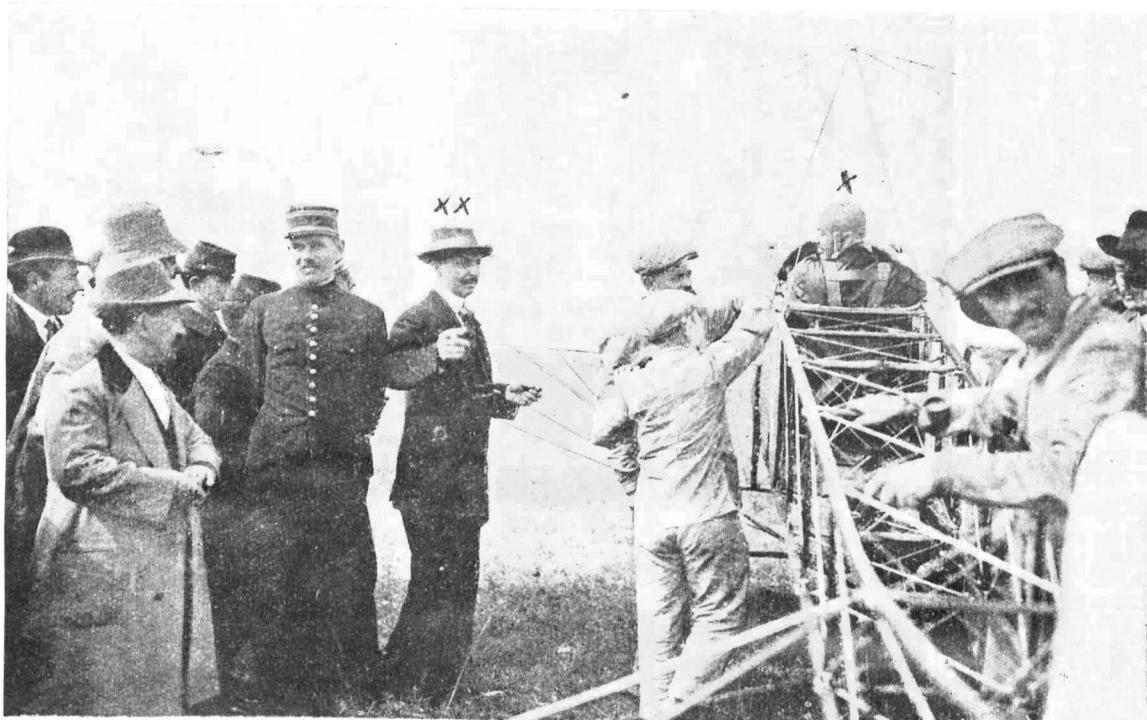
Клиника для курильщиковъ.

Одинъ весьма модный парижскій врачъ устроилъ клинику для курильщиковъ по американскому образцу и идеѣ. Онъ полагаетъ, что многие курильщики безусловно нуждаются въ медицинской помощи, и рѣшилъ пойти имъ навстрѣчу. Онъ приготовилъ препаратъ изъ такихъ веществъ, которые вызываютъ въ курильщикахъ рвоту и отвращеніе къ табаку.

Въ Америкѣ такія убѣжища для курильщиковъ пользуются болѣшимъ успѣхомъ. Замѣчается даже недостатокъ въ нихъ, такъ что желающимъ приходится поступать туда по предварительной записи.

Парижская клиника задумана въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ простая больница.

Въ числѣ пациентовъ моднаго врача, находятся—министръ-президентъ Брайанъ, страстный курильщикъ папиросъ, авторъ комедій Жоржъ Фейдо, романистъ и авторъ „Афродиты“, Пьеръ Лоти и многіе другіе.

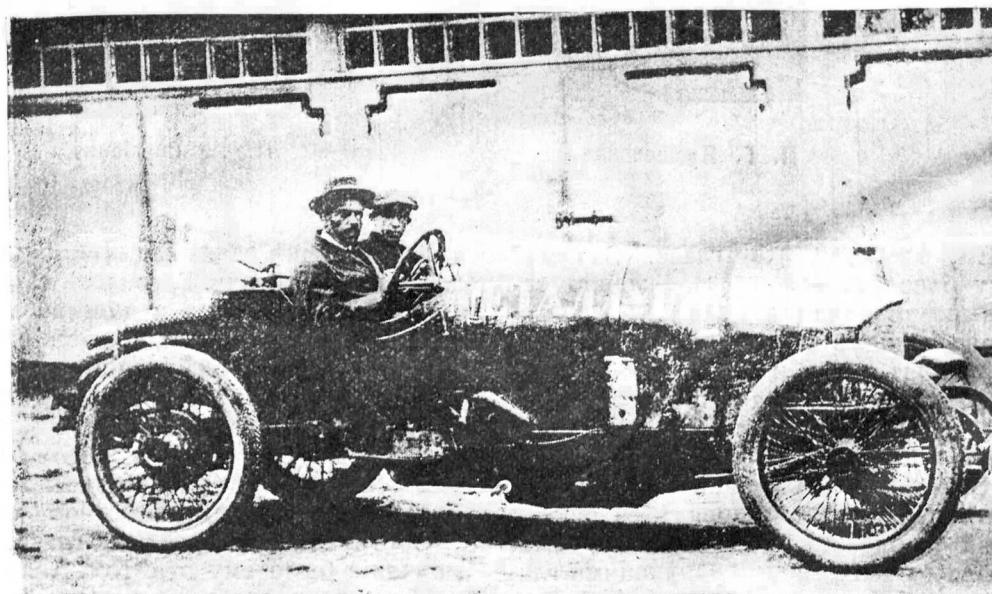
Моментъ взлета.

Луи Блерю (XX).

Пегу (X).

Тріумфъ Пегу.

Автомобиль «Металлуржикъ» Г. Нотомбъ, поставившій рекордъ г. Харькова (1 верста съ хода въ 27 сек., т.-е. 133 версты въ часъ).

